

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ася СЫРОДЕЕВА

Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник. Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: h.puck@mail.ru

СРЕДИ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АКТОРОВ

На динамичном фоне, который отличает современную общественную действительность, отчётливо просматривается выход на передний план специфических совокупных социальных образований. Основанием для их формирования выступают те или иные идеи, что само по себе не является исторически необычным. И всё же стоит обратить внимание на то, что в век информационных технологий «идейный» фактор по степени значимости существенно возрос. Такая тенденция должна приводить к повышению влияния, социального статуса тех слоёв, отдельных групп, личностей, которые имеют отношение к общественному функционированию идей. Однако особенность нынешнего контекста состоит в том, что информационные технологии воздействуют не только и не столько на работающих с идейной составляющей, сколько на общество во всём его социальном разнообразии. Информационные технологии способствуют демократизму и прозрачности движения идей в социуме на этапах производства, распространения и потребления. В век Интернета идеи оказываются под дополнительным общественным и индивидуальным контролем сомнения, критики. Благодаря чему им удаётся и объединять очень разных людей, и одновременно поддерживать их в устремлённости к личной независимости.

Ключевые слова: актор, субъектность, идеи, слово, социальная динамика, интеграционные процессы, горизонтальные связи, сетевое пространство, информационные технологии, поступок, свобода

В информационно-цифровом обществе идеи, будучи влиятельным общественным фактором, среди прочего выступают катализатором конституирования специфического социального субъекта. Из числа особенностей этого актора, возможно, самое показательное – скорость формирования¹ и способы поддержания консолидации. Конечно же, общественные образования информационной эпохи возникают не из социальной пустоты, а складываются благодаря воле людей, принадлежащих классическим вариантам социальных субъектов. Современники подмечают: «[Г]егемони[я] “нематериального труда”... – как качественное, а не количественное понятие – не отрицает прежних социальных субъектов... а скорее включает их в своё пространство, что связано с ролью, которую интеллект, коммуникация и язык начинают играть в любом труде» [7, с. 176]. При этом пропорция между «новым» и «старым» среди прочего характеризуется нередким вытеснением традиционных социальных субъектов из привычных общественных ниш. Экзистенциальный российско-украинский конфликт высветил тенденцию, в той или иной степени заявлявшую о себе и ранее, с дополнительной отчётливостью.

Путь к субъектности

«Идейно-смысловая» составляющая, которая способствует становлению общественных новообразований, ныне даёт о себе знать из разных социальных пластов российского общества, среди людей, владеющих скорее не материальным, а «интеллектуальным» капиталом (понимаемым в самом широком смысле: от той или иной степени просвещённости до открытости разному). Современное орудие труда – своеобразная «информационная палка» (функциональное продолжение руки) – оказывается доступно представителям разных возрастных, социоэкономических, региональных сегментов общества. Динамично-скоростные акторы, возникающая на просторах прежде всего Интернета, хозяйничают повсюду. Порождающие их и в свою очередь создаваемые ими информационные потоки встречаются на своём пути разные преграды, частично трансформируются,

¹ Понятно, что импульс данная тенденция получает от скоростных волн, охватывающих современную общественную действительность. «В начале XXI века *новое* нам уже слишком привычно, хотя цифровизация и стала шоком для многих интеллектуалов, но слом традиционного хода вещей и нарастание скорости изменений, в отношении которого можно было зафиксировать лишь то, что фиксация на нём становится бессмысленной, произошёл после Второй мировой войны вместе с развитием потребительского капитализма и глобализации...», – отмечает Николай Афанасов [3, с. 47–48].

но очевидно, что остановить этот объективный процесс проблематично. Философско-экономический взгляд на эту тенденцию фиксирует тезис Алексея Пензина: «...если Маркс считал, что “всеобщий интеллект” объективирован в системе промышленных машин, то современные теоретики вроде Вирно связывают его с субъективностью и живым трудом. Сама мысль, речь в условиях постфордизма становится производящей “машиной”» [7, с. 174]. А философско-технологический ракурс проблемы передаёт утверждение Вадима Чеклецова: «...в прогрессирующем развёртывании технологий мы имеем дело не с чем-то Иным. То есть, к примеру, если мы рассматриваем искусственный интеллект – это не Другой. Техника, технореальность как раз и есть для нас первичная реальность. Существует единая антропокосмическая эволюция, и технику не стоит рассматривать как нечто иное, отличное от нас самих» [4, с. 397].

Не в последнюю очередь благодаря описанным процессам и соответствующим им социальным агентам удаётся функционировать гражданскому обществу, даже в условиях выраженной цензуры. Это чувствуют как его активисты, широкая общественность, так и власть. Последняя вынуждена реагировать: устанавливать в сетевом пространстве «микрофоны-рупоры», выстраивать дополнительные отношения, повседневно проявлять себя устно и письменно. Представители широкого спектра общественных взглядов работают с информационным пространством по его же законам. Все понимают, что, если находиться вне современных процессов, последние станут разворачиваться без вашего участия, а это значит оказаться в проигрыше. Поэтому самые разные социальные структуры стремятся в той или иной мере пользоваться благами новых тенденций².

«Телефон, телеграф, железнодорожные станции и мосты» по-прежнему актуальны, ныне они воплощаются в коммуникационных узлах и путях внутри сетевого пространства. Хотя физически наши современники могут и не перемещаться, трансляция мысли реализуется активно. При всём своём многообразии и возможной противоречивости идеи существенно динамичнее в плане формирования, распространения и переориентации, чем поступок в физическом пространстве. Потоки общественных идей цифрового формата в той или иной мере захлёстывают даже молчаливое, равнодушное или неопределёвшееся, «большинство».

Могут возразить, что не стоит смешивать социальные процессы разного толка и конкретных социальных субъектов, для формирования которых требуется и время, и совокупность факторов, социоэкономических в первую очередь. Но в том и состоит особенность информационно-цифровой эпохи, что *происходящее, пребывающее* в ней необычайно подвижно

---

² Успешность в этом направлении зависит не только от материальной составляющей, но от способностей воспользоваться тем, что научно-технический прогресс сделал доступным нашим современникам. При этом хорошо заметны различия в стиле работы с одним и тем же средством: достаточно сравнить каналы разных политиков и структур, чтобы заметить своеобразие в словаре, метафорах, децибелах высказываний.

и демократично доступно. «Процессуальность – это ключевое свойство объектов-узлов сети, когда идентичность подсистемы определяется не застывшей морфологией, структурой актанта, а всей сложностью и богатством связей с другими идентичностями» [10, с. 82], – отмечает Вадим Чеклецов. Динамичность и прозрачность – взаимодополняющие свойства современной действительности, во многом определяющие её характер, а значит, и процессов, и акторов. В том числе поэтому аналогии с историей середины XX в., когда люди жили рядом с ограждениями гетто и по разным причинам избегали задумываться относительно происходящего «за стеной», ныне не работают в полной мере. Тогда заглянуть за забор предполагало не только мотивацию, усилие, но и наличие определённых условий, например, реальное общение с осведомлёнными; в советское время слушание «голосов» подразумевало наличие специально настроенных транзисторов. Ныне достаточно нажать несколько кнопок на телефоне и даже телевизоре, без обсуждения своего решения с кем-либо, включая самых близких. При этом доступной оказывается не просто информация, но также возможность выразить поддержку либо осуждение конкретных взглядов. Профессионалы разработки, функционирования, распространения диджитальных систем и потоков осведомлены о множестве деталей, для рядового же человека достаточно элементарного здравого смысла, чтобы сориентироваться, слушая и анализируя плюралистическую мозаику циркулирующих взглядов, а потом выразить свою позицию. Наш современник проводит много времени наедине с самим собой, одновременно, как никогда, самые разные группы поддержки оказываются фактически рядом с ним, и он солидаризируется с ними.

Схема того, как циркуляция идей способствует складыванию социальных акторов, имеет приблизительно следующий вид. 1. Бытует некое мнение. 2. Его подпитывают аргументы, выдвигаемые разными социальными субъектами в пользу или против него – рассматриваемое представление оказывается вписано в широкий информационный контекст. 3. У конкретного человека или группы лиц складывается понимание степени ответственности при принятии или отторжении данной установки. 4. Комплекс перечисленного выше способствует тому, что конкретную логику мысли и поведения готово разделять то или иное количество людей. Речь идёт не о статистических группах, а о вполне рефлексирующем сообществе, внутри которого участники ощущают «взаимоподдержку» собственной позиции, пусть они и не контактируют друг с другом непосредственно. Степень присутствия «трёх латинских букв» в столичном мегаполисе как на общественных объектах, так и при презентации личной позиции – пример того, в какой мере представители разных сегментов общества восприимчивы к циркулирующим идеям, слышат друг друга: власть – население, горожане – более или менее отдалённых окружающих. За проявлением позиции-поступка при этом стоит информированность и продуманность собственного мнения (личного, сообщества), готовность отстаивать его, что свидетельствует о сложившейся субъектности.

Упомянутая динамичность и прозрачность социальной жизни способствуют тому, что резонанс ныне, как никогда прежде, легко приобретает характер общественно разделяемого, вплоть до мировых масштабов. Слова, действия в поддержку или осуждение конкретных взглядов нередко поступают почти мгновенно, из самых удалённых уголков планеты. Естественно, резонанс может носить и более камерный характер, но главное, что его отличают высокие скорости и широкий диапазон распространения.

Григорий Юдин неоднократно напоминает, что политика – область поступков (см., напр.: [9, с. 201–204]). И работа с идеями принадлежит этой области. Ныне многие действия в области реальной политики реализуются виртуально. Формулировать собственное мнение, поддерживать или критиковать чужое, оказывать разнообразные услуги по работе с идеями, совершать соответствующие этой деятельности финансовые операции – подобное и многое другое встроено в цифровой мир. Значителен удельный вес высказываний в публичном пространстве, которые оказываются доступны большому количеству людей как непосредственно, так и во временной, пространственной перспективе. Когда привычная политическая жизнь парализована, будучи пронизана деятельностью контролирующих органов, в доступное для социальной самореализации виртуально-информационное пространство смещается значительная доля реальной политики.

Социальный клей

Показательно, что с самого начала российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. многие предупреждали о высокой вероятности отключения Интернета. Однако российская власть удерживается от его тотальной блокировки. Интернет ей, как и всем в современном мире, необходим. При том что регулярно проводится мониторинг контента, по итогам цензурирующей деятельности новые и новые физические и юридические лица объявляются иноагентами, возбуждаются уголовные дела, параллельно предпринимаются попытки в полном объёме запустить Рунет, власть не решается отказаться от уже существующего мощного информационного рынка, используемого в самых разных сферах деятельности, в том числе в пропаганде.

Интернет – пространство реальной жизни сегодня, он встроен в неё и сам её конструирует. На его просторах идут финансовые, образовательные, медицинские процессы, военные конфликты переживаются в формате фактического присутствия.

Российская власть с самого начала СВО предпринимает усилия переломить ощущение «непосредственного участия», возникающее от эффекта «прямого эфира» в цифровой реальности. По словам военного эксперта Валерия Ширяева, важно демонстрировать, что война заморская, в то время как нормальная жизнь продолжается здесь и сейчас. Могут быть

разные причины для преследования этой цели, но принципиально то, что серьёзный «оппонент», с которым правящая политическая элита вынуждена считаться, кого старается опередить, чьи усилия пытается нивелировать – не левая или правая, не системная или независимая оппозиция, а Интернет, точнее, те многочисленные и разнообразные субъекты, которые действуют в нём. Как замечает этот же эксперт, нынешнее противостояние в центре Европы – первое в военной истории, которое происходит на фоне победы социальных сетей. Интернет подарил небывалое по эффективности средство выстраивания горизонтальных связей между самыми разными социальными слоями и разнесёнными в пространстве акторами. Подчеркнём, мы ведём речь не о военном аспекте роли Интернета, а о его возможностях в мирной жизни, которые удалось особо выразительно ощутить сквозь призму событий СВО.

Стоит отметить ещё один существенный момент, который высветил нынешний военный конфликт. Когда со всей отчётливостью приходит осознание краткости и самоценности человеческой жизни, вес главного средства существования человека среди других людей – слов – резко возрастает. Всегда, в том числе при любых военных противостояниях, были замполиты, властители дум, идеологи. Ныне ими, более или менее осознанно, являются представители самых разных профессий. В их выступлениях перед аудиторией, как большой, так и малой, присутствуют и профессиональная, и человеческая поддержка нуждающимся в ней. Слова, выражающие разные позиции, сталкиваются, между ними ведутся серьёзные, длительные бои. Всегда желательно, чтобы подобные споры оставались на уровне обмена мнениями, взаимообогащения картин мира, не перерастали в бои оружием невербальной природы, уносящим жизни. На уровне слова отчётливо видно, что многое релятивно, тем временем жизнь человеческая бесценна. В этом смысле выразительно признание Людмилы Улицкой в конце романа «Даниэль Штайн, переводчик» – повествования о человеке, который посвятил свою жизнь диалогу с людьми самыми разными: «Было уже утро, и довольно позднее, и от вчерашнего вечера меня отделяло не восемь часов сна, а огромное время пришедшего совершенно незаслуженного знания. Какого – не могу точно выразить. Что-то я знаю о победе и поражении, чего прежде не знала. Об их относительности, временности, переменчивости. О нашей полной неспособности определить даже такую простую вещь – кто победил» [8, с. 559].

Многие наши современники ощущают, что в руках у них микрофон. Медийный успех оказывается доступен практически каждому. На волне российско-украинского конфликта появилось много самостоятельных «молодых» каналов, которые делаются нередко малыми силами, чуть ли не индивидуально, и при этом вполне квалифицированно. Со временем на них начинают выступать люди с большой СМИ-историей, признанные общественные деятели. Слово в медийно-информационном пространстве отличает особая, дополнительная роль и возможности. Власть и население чутко

реагируют на эту тенденцию: резко возрастает уровень требований к медийным фигурам в плане презентации ими своей позиции.

Возникший как нечто вторичное, продукт человеческих усилий, информационно-цифровой мир со своими специфическими потоками конденсирует, существенным образом трансформируя, привычную нам реальность. Одновременно он усиливает, заостряет многие моменты, свойственные социальному обществу. Роль слова, в частности. И тезис Ханны Арендт находит дополнительный отклик у нашего современника: «Насколько мы существуем однако во множественном числе и, стало быть, насколько мы живём в этом мире, движемся и поступаем в нём, только то имеет смысл, о чём мы можем говорить друг с другом или пусть даже сами с собой и что в слове показывает себя смысл имеющим» [2, с. 13].

Высокоскоростная циркуляция Слова становится фактически гарантом формирования новых социальных агентов. Слово в своей наполненности смыслом выступает в роли и поступка, и пускового механизма, и средства взаимосвязи, и социального клея. Интернет – сеть, которая ткётся быстро и разнонаправленно. Одновременно со скоростью, небывалой для истории человечества, в ней складываются субъектные узлы, консолидированные социальные образования. Да, это достаточно неустойчивые социальные агенты, но факт их существования очевиден. Алексей Левинсон, описывая российское общество 2014 г., фактически предлагает формулу, характеризующую общемировые тенденции: «Сейчас надо вести речь о трёх субъектах. Один – это власть... Другой – общество. А третий – мысленная общность, которая не существует как реальное собрание людей, а является образом мыслей, дискурсом» [1]. Сегодня в разных концах планеты разные социальные субъекты отдают себе отчёт в том, что Слово ведёт на войну и останавливает её. Поэтому «тонны словесной руды» выдаются на-гора, как никогда, и пускаются на переработку слушателями, читателями, зрителями.

Амбивалентная интеграция

При всей настойчивости и возможной эффективности того нового, что привносится информационной составляющей в общественную жизнь, не стоит игнорировать мнения «оппонентов» современных тенденций. В самом общем плане содержание критики выражает следующий тезис: сетевое пространство представляет угрозу для людей, соответственно, для общества, человечества. Опасность усматривается в том, за что традиционно достается массовому обществу – обезличивание, дегуманизация. Насколько оправданна подобная оценка?

Современные массовидные субъекты существенно эволюционировали по сравнению с теми, что были описаны отцами-основателями социологии. Нынешние массовидные образования характеризуют признаки, выде-

ленные Б.А. Грушиным: стохастическая (вероятностная) природа, ситуативный характер существования, выраженная гетерогенность (разнородность) состава [5, с. 211]³. При этом социальный философ подчёркивал, что масса как общественный субъект не укладывается в категории традиционной классовой модели общества. Опираясь в своём анализе на эмпирические данные в области массовой коммуникации, он предсказал многие общественные тенденции, которые ныне наблюдаются в виртуальном пространстве.

Стоит отметить, что Б.А. Грушин интересовался в большей мере совокупными общественными образованиями. Сегодня же благодаря информационным технологиям массовидные структуры предоставляют своим участникам дополнительные возможности в плане сохранения за личностью права на независимость. Каждому доступны в информационном пространстве необходимые обоснования (соответствующие склонностям, предпочтениям) в пользу или против той или иной степени собственной причётности к конкретным акторам информационного происхождения, рассматривая их в качестве более или менее референтных и, соответственно, участвуя или не участвуя в них вполне осмысленно и ответственно. Человек информационного общества внутри рассматриваемого нового типа совокупных социальных субъектов пребывает не в роли безликой единицы. Современный информационно-технологичный мир способствует одновременно массовидно-интеграционному и вполне свободному поведению людей. Именно сочетание гарантированной самости наряду с удовлетворением потребности в единении позволяет говорить о перспективности этого типа социального агента.

Ряд ключевых положений Ханны Арендт помогает понять, чем именно руководствуется наш современник, что было и остаётся ценностью, смыслом пребывания человека в социуме, начиная со времён греческого полиса.

Перечислим эти положения. Прежде всего: «Для людей жизнь – как говорит латынь, язык пожалуй самого глубоко политического из всех нам известных народов, – равносильна “пребыванию среди людей” (inter homines esse)» [2, с. 17–18]. Далее, принципиально описание сути «ткан[и] межчеловеческих связей» [2, с. 228]: «Политическая сфера... подобна такой непрерывно длящейся сцене, где в известном смысле есть только выход, но нет ухода, и эта сфера возникает непосредственно из бытия-друг-с-другом, “общественного соучастия в словах и делах”» [2, с. 249]. Практически тут

---

³ Каждый из перечисленных признаков в деталях прописан Б.А. Грушиным [5, с. 210–244], что важно учитывать, в том числе применительно к еще одному – «статистический характер». Последний ныне оказывается под наибольшим воздействием со стороны Интернета: он сохраняет свою актуальность, однако, что принципиально, с учётом следующего комментария автора: «...будучи родом социальной общности, то есть объективно складывающегося объединения людей, она [масса] заведомо обладает определённой целостностью. Другое дело, что эта целостность... как таковая не имеет структуры, характеризуется аморфностью» [5, с. 212–213].

же следует аналогия с сетевой реальностью сегодняшнего дня: «...действие и говорение учреждают некое пространство *между*, не привязанное ни к какой родной почве и способное распространиться повсюду в обитаемом мире» [2, с. 250]. Не менее важен тезис о том, что ткань отношений, созданная из дел и слов, предполагает многообразие самих социальных субъектов: «...действительность мира обеспечена присутствием других участников этого мира, когда один и тот же мир является в разнообразнейших перспективах» [2, с. 250].

В качестве образа-метафоры, выражающей авторскую установку относительно того, что представляет собой «политическое существо человека, его плюрализм и человеческое бытие-друг-с-другом» [2, с. 225], читаем: «Совместно жить в мире означает по существу, что некий мир вещей располагается между теми, для кого он общее место жительства, а именно в том же смысле, в каком скажем стол стоит между теми, кто сидит вокруг него; как всякое между, мир связывает и разделяет тех, кому он общ. Публичное пространство, подобно общему нам миру, собирает людей и одновременно препятствует тому, чтобы мы, так сказать, спотыкались друг о друга» [2, с. 69].

Приведённые фрагменты помогают увидеть, в какой мере Интернет предоставляет нашему современнику то, что органично для человека как политического актора: быть в связи с другими и при этом оставаться собой. Обычно обвинения в противном звучат со стороны старшего поколения или тех, кто разделяет взгляды вчерашнего дня, доцифровой эпохи. И дело не только в привычном противостоянии «отцов и детей». СВО продемонстрировало через мировоззренческие расколы, что приобщённые к современным технологиям оказываются более гибкими и критичными. А значит, и в будущем им будет легче преодолевать стереотипы разобщения, строить социальные мосты.

Интернет позволяет каждому оставаться собой, иметь своё лицо, он же работает на тезис о том, что как социальные существа мы не можем отрицать право на собственное (схожее или отличное) мнение живущих рядом. Динамизм современной жизни, хотим мы того или нет, приближает к нам Другого и подталкивает делать выбор в пользу цивилизованного отношения к нему. В том числе мы не можем отречься от опыта прошлых поколений. Именно они напоминают нам, каковы нежелательные форматы взаимодействия с теми, кто придерживаются иных взглядов.

Стоит подчеркнуть, что современные средства коммуникации не только дарят варианты и свободу социального выбора, тем самым обеспечивая гносеологический и аксиологический аспекты нашего существования, но также и – онтологический. Социальная эпистемология сегодня, отмечая релятивность и плюралистичность процессов познания, акцентирует внимание на том, как социальная действительность конструируется мыслью [6]. Не только социологами в ходе опроса, не только публичными лидерами мнений, не только политиками и политтехнологами, но практически

любым, кто пожелает взять в руки медийный микрофон и содержательно выступить с ним в более или менее широком общественном пространстве. В жизни нашего современника доля «поступков мысли» существенно возрастает. Соответственно, увеличивается роль субъектов, собранных, сплочённых клеем мысли. Им удаётся определять облик современного мира.

Список литературы

1. Алексей Левинсон: Власть нам подмигивает, а мы радуемся // Live Internet. 06.10.2014. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/zmielov/post342467656/> (дата обращения: 28.08.2023).
2. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
3. *Афанасов Н.Б. Идея автономии в контексте позднего капитализма* // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 42–54.
4. *Буданов В.Г., Чеклецов В.В. Социально-антропологические риски современной цифровой эпохи* // Реплики: философские беседы / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 393–423.
5. *Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования*. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
6. *Ключарев Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса* // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 5–16.
7. *Пензин А. Паоло Вирно: «Грамматика множеств» как антропология капитала* // Синий диван. 2006. № 8. С. 171–183.
8. *Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик*. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 576 с.
9. *Филиппов А., Юдин Г., Крастев И., Чернышев С. Глеб Павловский. Памяти человека политического* // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 1. С. 197–205.
10. *Чеклецов В.В. Идентификация и идентичность в киберфизическом мире* // Философские науки. 2017. № 8. С. 76–86.

SOCIAL ANTHROPOLOGY

Asya SYRODEEVA

Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow.

RAS Institute of Philosophy.

Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;

e-mail: h.puck@mail.ru

AMONG THE NEW SOCIAL ACTORS

Against the dynamic background that distinguishes modern social reality, the formation of specific social entities is clearly visible. The basis for their emergence are certain ideas. Such tendency in itself is not historically unusual. And yet it is worth paying attention to the fact that in the age of information technologies, the “ideas” factor in terms of importance has increased significantly. Such a trend should lead to the growth in the influence, social status of those strata, groups, individuals who are related to the social functioning of ideas. However, the peculiarity of the current context is that information technologies affect not only and not so much those who work with an ideal component, but society in all its diversity. Information technologies contribute to democracy and transparency in the social circulation of ideas at the stages of production, distribution and consumption. In the age of the Internet, ideas are under the additional public and individual control of doubt, criticism. Thanks to this, they manage to unite very different people, and at the same time support them in striving for personal independence.

Keywords: actor, subjectivity, ideas, word, social dynamics, integration processes, horizontal relations, Internet, information technologies, social act, freedom

References

1. Aleksei Levinson: “Vlast’ nam podmigivaet, a my raduemsya” [Alexei Levinson: The Authorities Wink at Us, but We Rejoice], *Live Internet*, 06.10.2014. [<https://www.liveinternet.ru/users/zmielov/post342467656/>, accessed on 28.08.2023] (In Russian)
2. Afanasov, N.B. “Ideya avtonomii v kontekste pozdnego kapitalizma” [Idea of Autonomy in the Context of Late Capitalism], *Nauchnyi rezul’tat. Sotsial’nye i gumanitarnye issledovaniya*, 2022, Vol. 8, No. 1, pp. 42–54. (In Russian)
3. Arendt, H. *Vita Activa, ili O deyatel’noi zhizni* [Vita Activa, or About Active Life], trans. V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2017. 416 pp. (In Russian)
4. Budanov, V.G., Chekletsov, V.V. “Sotsial’no-antropologicheskie riski sovremennoi tsifrovoi ehpokhi” [Socio-anthropological Risks of the Modern Digital Era], in: *Repliki: filosofskie besedy* [Remarks: philosophical conversations], ed. Yu.V. Sineokaya. Moscow: YASK Publishing House, 2021, pp. 393–423. (In Russian)

5. Chekletsov, V.V. “Identifikatsiya i identichnost’ v kiberfizicheskom mire” [Identification and Identity in the Cyberphysical World], *Filosofskie nauki*, 2017, No. 8, pp. 76–86. (In Russian)
6. Filippov, A., Yudin, G., Krastev, I., Chernyshev, S. “Gleb Pavlovskii. Pamyati cheloveka politicheskogo” [Gleb Pavlovskii. In Memory of a Political Person], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2023, Vol. 22, No. 1, pp. 197–205. (In Russian)
7. Grushin, B.A. *Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya* [Mass Consciousness: Experience of Definition and Research Problems]. Moscow: Politizdat Publ., 1987. 368 pp. (In Russian)
8. Klyucharev, G.A. “Ontologicheskaya problematika v sotsiologicheskoi interpretatsii: k postanovke voprosa” [Ontological Problems in Sociological Interpretation: To the Formulation of the Question], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022, No. 1, pp. 5–16. (In Russian)
9. Penzin, A. “Paolo Virno: “Grammatika mnozhestv” kak antropologiya kapitala” [Paolo Virno: “The Grammar of Sets” as an Anthropology of Capital], *Sinii divan*, 2006, No. 8, pp. 171–183. (In Russian)
10. Ulitskaya, L.E. *Daniehl’ Shtain, perevodchik* [Daniel Stein, Interpreter]. Moscow: AST Publ., Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ., 2018. 576 pp. (In Russian)